

Ольга Теплинская

До свидания, Дания!

16+

Ольга Теплинская
До свидания, Дания!

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Теплинская О.

До свидания, Дания! / О. Теплинская — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Вам когда-нибудь приходилось оказываться в стране, о которой Вы мечтали с детства? Наверняка многие ответят положительно. А так, чтобы совсем одной? И это бывало? А чтобы без денег, телефона и без паспорта? Да еще вся страна об'явила Вас русской террористкой и разыскивает под каждым кустом. И никто, совсем никто не хочет вам помочь... Вот в такую ситуацию попала Ритка или Маргрет. И кто поможет бедной девушке?...

Содержание

До свидания, Дания!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

До свидания, Дания!

Мой большой чемодан упрямылся, сопротивлялся и не желал подниматься по лестнице, а у меня кончались силы бороться с ним. Все было бы намного проще, если бы не новые туфли, которые я надела в дорогу, точнее каблучки на этих туфлях.

Согласна, что в путешествие надо ездить в удобной одежде, особенно в обуви. Но у меня был особый случай. Я была, можно сказать, представителем фирмы, и даже, в некотором роде, представителем своей страны. Ну, не могла я, со своим ростом – метр с кепкой в полете – прилететь на встречу с нашими новыми партнерами в сказочную страну Данию в банальных кедах.

И к тому же, за долгое время своего взросления, когда я мучилась от своего роста и завидовала длинноногим подругам, я научилась легко и красиво ходить на самых высоких шпильках. Ерунда, скажете? Одно дело дефилировать по подиуму или по ровному офисному полу, и совсем другое шагать по модной ныне брусчатке, спускаться в подземные переходы и догонять маршрутку.

И все это у меня получалось грациозно и непринужденно, пока не оказалось, что в аэропорту Копенгагена, существуют весьма неудобные лестницы, а мой чемодан за небольшое время полета, стал тяжелее и объемнее. Я даже проверила: свой ли багаж прихватила с крутящейся ленты? Но, нет, – вон и моя переводная картинка – подарок племянника Славика – и трещинка возле ручки – все мое родное, не подкопаешься.

Господи, осталось всего восемь ступеней и я, наконец, войду в верный коридор.

«Вперед, Маргарита!» – подбадривала я себя, а сама посматривала на группу молодых мужчин, стоящих на самом вершине моего пути. Я даже слегка расслабилась, в надежде, что кто – то из них сейчас кинется мне на помощь. Они тоже заинтересовано смотрели в мою сторону, но на помощь никто из них не спешил.

Вот оно равноправие полов во всей своей красе. И за что боролись западные женщины? Чтобы вот так мучиться с тяжелым чемоданом? И самое смешное, что эти мужчины не приотворяются, не издеваются, а на самом деле так считают: что женщине не надо уступать место, помогать поднести тяжести, пропустить вперед или заплатить за ее кофе с пироженкой. Все это называется красивым словом – равноправие!

Я даже приготовила фразу на датском: «Ййя эр диг мегет такнеммели!» Что означает: я вам очень благодарна! А один из них – самый красивый, вон тот, с родинкой, – посмотрит в мои большие серые глаза и произнесет: «Лад ос сес иген!» – «Давайте еще увидимся».

Но диалога между народами не случилось. Эти скандинавские рыцари просто проводили меня взглядами полными вожеления и все. И как местные женщины выстраивают отношения с такими мужчинами? Она тащит сумки, а он идет рядом налегке и говорит ей о своей любви?

Ладно, не будем о грустном. Высота покорилась, чемодан сдался и тихо покатился по гранитному полу, я грациозно застучала своими десятисантиметровыми каблучками, обращая на себя внимание окружающих – не часто можно встретить в аэропортах такую красавицу на огромных каблучках – теперь бы еще найти господина Олава, который должен меня встречать. Я, конечно, задержалась, перепутав коридоры выхода, но надеюсь, что меня все – таки дождутся.

Взгляд задержался на девушке в стильных замшевых сапожках на плоской подошве. «Ах, как же, наверное, ей в них удобно! – Позавидовала я. – И я хочу такие».

Поискав глазами табличку с моим именем, и не найдя ее, (вот насколько не удивлена) я побрела в сторону выхода, соображая, что мне делать в такой ситуации. Помощник нашего шефа уверил меня, что меня обязательно встретит сотрудник местной фирмы, он же поможет

мне с гостиницей и отвезет в офис. И вот теперь я стою в чужой стране с огромным чемоданом и не имею ни малейшего представления, куда мне податься.

Всю последнюю неделю меня распирало чувство гордости за себя любимую. Я – избранная! Меня единственную, как знающую датский язык, отправили представителем в туристическую датскую фирму. Наши шефы – датский и российский – затеяли создать новую во всех отношениях туристическую компанию: «Скандинавия для избранных». Избранные не в смысле – белая кость, голубая кровь, а те, кто по-настоящему любит скандинавские страны, хочет их узнать. И для таких людей, наша совместная фирма готова открывать многие двери и бронировать лучшие гостиницы с большой льготой.

Моя мама часто повторяет, что любое дело или вещь в нашей жизни рано, или поздно пригодятся.

Когда я – неразумная второклашка – в своем лице выбрала датский язык, то меня отговаривала даже наша учительница, убеждая, что второй язык должен тоже быть востребован. Но я стояла на своем: хочу говорить на языке, на котором разговаривала Дюймовочка, Русалочка и Оле Лукойе. В нашей группе таких, как я, было трое.

И вот, все сошлось: я, мой невостребованный датский и Дания. Все годы я старалась не забывать этот язык, но практики не было совсем. Но ничего, я девушка способная, все схватываю налету, первое время буду больше прислушиваться, а потом разберемся. В этот момент кто – то дернул меня за рукав куртки:

– Маргрет?

– Йа! – обрадовалась я, глядя на высокого юношу. Парнишка был субтильного телосложения, и широкая синяя футболка с надписью: «Я люблю Данию», болталась на нем, как с чужого плеча. Его светлые волосы были собраны сзади в довольно длинный жидкий хвост, на лице красовалась круглая оправа «Гарри Потер». – Олав?

– Йа, йа! – радостно закивал парнишка. – Стор фортэдс! Гу Морэн! (Очень приятно! Доброе утро!)

Жестом руки мой будущий коллега указал направление и быстрым шагом пошел к выходу, я за ним еле поспевала со своим чемоданом, стараясь не выпускать из виду синюю футболку.

– Унскюль! (Извините!) – наконец, крикнула я, стараясь перекричать гул аэропорта.

Олав остановился с удивлением глядя на меня, а я, не найдя в своем лексиконе слово чемодан, просто показала на него рукой. Если кто – то подумал, что в тот же момент мой спутник подхватил мой багаж с извинениями, то он глубоко заблуждается. Парень кивнул, расплылся в улыбке и пошел чуть медленнее, приветливо глядя на меня.

– Я тоже изучать русский! – с гордостью расправил он хилые плечики. – Ваши приговорки – это мудро!

«Приговорки»? – что он имеет в виду? – пыталась я постичь трудности перевода.

– «Русские – это беда на дороге»! – выдал парень.

– А! Поговорки! Да это наша мудрость. Только Гоголь сказал, что в России две беды: дураки и дороги!

«Хотя, – подумала я, – выражение, которое изрек датчанин – к современным соотечественникам подходит как нельзя лучше».

– Вы меня ровняйте, Маргрет! Я вам буду благодарствовать.

– Тогда баш, на баш: я ровняю ваши приговорки, а вы говорите со мной на датском. Мне тоже надо подтянуть мой язык.

– Язык до Киева доведет! Йа?

– Йа! На этот раз все правильно!

Мы шли и шли вдоль стоявших автомобилей, но, ни к одному из них парень не подошел. Через минуту мы пристроились в хвост ожидающих пассажиров, на автобусной остановке.

– Ты не любишь машины? – задала я вопрос с самым невинным видом, когда я вновь самостоятельно втащила свой тяжелый багаж в автобус. – А я обожаю свой автомобиль. Он, хоть и маленький, но удобный. Я всегда ощущаю себя в нем, как дома.

Парень молчал, задумчиво глядя в окно. Я решила, что он не услышал моего вопроса или не понял, и перевела его на датский. На меня взглянули увеличенные линзами глаза, в них было сомнение и растерянность.

– Ну, не все с удовольствием садятся за руль, некоторые любят ходить пешком или ездить на велосипеде, – сделала я шаг к отступлению.

– У меня есть велосипед! – кивнул мой спутник.

«Ну, вот и славно! Поговорили, все выяснили. Я читала, что многие скандинавы борцы за экологию. И мне, можно сказать повезло, встретила у трапа самолета такого яркого представителя. Понимаю у них равноправие и чемоданы носить не мужское дело, но найти товарища с машиной для встречи коллеги, что может быть проще!»

– Олав, а какую гостиницу вы мне забронировали? Мой шеф сказал, что жить я буду недалеко от работы, – продолжала я поддерживать разговор. А то пауза слишком затянулась.

– Гостиницу? – снова удивленный взгляд.

– Отель! – пояснила я.

– Вы, Маргарет, будете жить рядом с офисом.

– Близко – это хорошо, – одобрила я.

– Близок локоть, да не укусишь! – с радостной улыбкой выдал датчанин.

«Ни к селу, ни к городу!» – чуть не парировала я, но вовремя остановилась. Не надо губить прекрасные порывы. Человек изучает наш язык, нашу культуру, наши поговорки. Что может быть лучше! Многие наши молодые соотечественники понятия не имеют о поговорках и пословицах. Даже цитаты из старых советских фильмов для них темный лес. А тут иностранец и русские пословицы!

Парень явно взбодрился, и смотрел на пейзаж уже не так хмуро. За окном мелькали аккуратные, словно кукольные домики, ровные ухоженные поля, на которых уже что-то зеленело. В нашей стране только сошел грязный снег и поля были похожи на черное месиво.

А вдалеке синела полоска моря, над ним кружились огромные чайки и где-то там сидела на своем камне несчастная Русалочка. Даже сейчас, вспомнив любимую сказку, у меня защипало в носу, а в детстве я каждый раз, словно мазохистка, заставляла взрослых снова и снова читать мне о влюбленной русалочке, которая ради своего принца пожертвовала всем и ничего не получила взамен. Я каждый раз рыдала и строила планы, как помочь бедной девушке. И однажды, мама сказала мне, что Русалочка так сильно любила своего принца, что эта любовь была как подарок. Не многим в этом мире даровано такое сильное чувство, и жалеть ее не надо. Тогда я маму не поняла, но рыдать перестала.

Вскоре дома стали больше начинался Копенгаген. Но все равно это было похоже на яркие декорации к фильму. Удивляюсь, что только один великий сказочник Андерсен родился в такой стране. А, может, во времена, когда рождались и жили сказочники на земле все было по-другому? Мир был серым и убогим, и миссия сказочников была сделать его лучше и светлее?

Автобус вскоре подкатил к последней остановке, все засуетились и стали выходить со своими чемоданами под морозящий дождик. Я завертела головой в поисках гостиницы, но мой сопровождающий не тронулся с места.

– Сейчас подойдет еще один автобус. Нам надо будет проехать еще немного. Баба с возу, а воз и ныне там! – весело закивал он головой.

«О, Господи! Такого я еще не слышала. Человек объединяет поговорки с баснями Крылова. Это что – новое направление?»

Подошедший автобус был явно других размеров и не предназначался для езды с объемным багажом. Чемодан скрипел и хрустел, каблучки подворачивались, но, ни Олав, ни дру-

гие пассажиры мужского пола не сделали попытки помочь. Только одна худенькая девушка с ребенком в сумке – кенгуру, попыталась подтолкнуть мой чемодан.

Вышли мы скоро, такое расстояние можно было с удовольствием пройти пешком, если бы не чемодан и дождик, который усиливался.

Олав свернул в переулок, где стояли одинаковые белые современные дома. От сказочной архитектуры тут не было ничего.

«Ну, ладно, – подумала я. – Сейчас осмотрюсь немного, а потом сама подберу себе гостиницу. Люблю жить в центре, где много людей, туристов, кафе и магазинов. Окраины везде одинаково скучны в любой стране».

– Незванный гость хуже горькой редьки! – радостно приветствовал меня Олав, распахивая двери квартиры.

– Это моя квартира? – пропустила я «приговорку» мимо ушей: то ли обидеть хотел, то ли издевается.

Просторная прихожая, достаточно большая кухня – столовая с угловым диваном, и еще несколько дверей, все белое, чистое, новое.

– Это наша квартира. Здесь живу я, – парень открыл одну из дверей, демонстрируя мне небольшую спальню. – Тут живет Амлет, а здесь твоя комната, Маргрет.

Мне нравилось, как Олав произносит мое имя – Маргрет, я сразу почувствовала себя причастной к королевской семье, вот только мне совсем не улыбалось жить в одной квартире с двумя молодыми горячими датскими парнями. Я уже давно забыла, как живут в коммунальных квартирах.

– За квартиру платит фирма! – показал Олав большой палец.

А я застыла в напряжении, страшась услышать очередную «приговорку». Но на этот раз обошлось без нее.

– Отлично! – выдавила я из себя. Собираясь немедленно заняться поисками приличной гостиницы. Ничего, сама за себя заплачу, не обедею.

– Если ты готова, то пойдем! – развернулся Олав. – Нас ждут в офисе.

– Я только переоденусь с дороги, – кивнула я.

В такую же небольшую спальню с узкой кроватью, белым шкафом – пеналом и зеркалом на стене, я вкатила свой чемодан. На широком окне не было никаких занавесок, штор или жалюзи. Все прозрачно и открыто миру.

Достав из чемодана джинсы, кроссовки и трикотажный жакет, слегка помятый, я остановилась в нерешительности: А как можно переодеться, когда ты как на сцене перед публикой? Напротив, в паре метрах от моего окна располагалось точно такое, незашторенное окно, в котором кто – то мелькал.

Я присела на корточки и принялась стаскивать с себя платье. Трикотаж был плотный, платье сидело на моей фигуре как влитое и оказывало достойное сопротивление моим действиям: «Или ты, Маргрет, вставай, или я, платье, остаюсь, где было»!

Не в силах больше воевать в скрюченном положении, я встала и, зажмурившись, стянула с себя любимое платье, оставшись в одних трусиках. В этот момент, дверь в комнату распахнулась, и на ее пороге возник Олав. Абсолютно спокойно глядя на меня – не смутившись, не извинившись – он попросил меня немного поторопиться:

– Семеро одного не ждут!

– Да, да, я сейчас, – промямлила я, и снова натянула на себя платье.

Метнувшись к чемодану, я вытащила из него русский сувенир – две бутылки водки, потом, подумав пару секунд, засунула одну обратно.

– Я готова!

– Тише едешь – дальше будешь! – огласил Олав.

* * *

Офис действительно находился совсем рядом от моего нового жилища. Мы перешли дорогу, свернули на соседнюю улицу и зашли в белое семиэтажное здание.

Пройдя по пустому коридору, Олав ввел меня в просторную комнату, посреди которой стоял длинный стол с цветными салфетками, пластиковыми стаканами и... бутылкой водки. Семь молодых мужчин с интересом воззрились на меня, улыбаясь. Все они были в джинсах, одинаковых толстовках с надписью фирмы на груди, на ногах простенькие кеды. Только высокий седовласый мужчина, явно главный шеф, был одет в голубую рубашку с запонками и темные брюки. Я в своем черном платье и красных туфлях на одиннадцатисантиметровых каблуках была явно из другой коробки.

– Хеллоу! – растянула я свои губы в дружеской улыбке.

Меня приветствовали хором и аплодисментами, как народную актрису. Я жестом фокусника достала из дамской сумки литровый сувенир, чем вызвала радостное возбуждение.

Олав взялся представлять мне своих коллег, но я пропускала сложные имена датчан мимо ушей, лишь мило улыбаясь. Потом сяду, запишу всех в блокнот и тогда точно запомню. Такой, уж, у меня запоминательный процесс.

Мне торжественно под аплодисменты вручили пакет с точно такой же толстовкой, как на моих датских коллегах.

Седовласый высокий господин, открыл бутылку, налил по три капли в каждый пластиковый стакан и, подняв один, приветствовал меня поднятием руки. Все повторили его жест, выпили, выбросили стаканчики в урну и убрали со стола салфетки.

Складывалось ощущение, что ко мне потеряли интерес, каждый уселся на свое рабочее место и уставился в монитор компьютера. Рядом со мной остался Олав и Седой.

– Мы ждали господина Юрова, – тихим вкрадчивым голосом задал не то вопрос, не то, предъявляя претензию Седой.

– Юрий Михайлович Юров не смог приехать, к сожалению. Но он постарается посетить вас в самое ближайшее время. Он направил меня.

– В каждой бочке затычка! – изрек Олав с улыбкой, и некоторой гордостью, глядя на меня. – Йа, Маргрет?

«И что ему ответить?» – задумалась я.

– Это правильная приговорка?

– Правильная, – вздохнула я. (Но обидная).

Седой пригласил меня в свой кабинет с яркими постерами на стенах, где были изображены пальмы, склоненные над водами океана, дворец Дожей в Венеции, Эйфелева башня и другие мировые ценности человечества, изображениями которых так любят украшать кабинеты в туристических компаниях.

Седого звали просто – Петер Петерсен, даже я запомнила это с первого раза – Петр Петров. Это был высокий подтянутый мужчина. Сквозь тонкую ткань дорогой рубашки проступали накаченные мышцы. На загорелом лице выделялись синие глаза, от которых отходили лучики – морщинки. Мое живое воображение тут же представило его на летящей над холодными волнами яхте. А его вкрадчивый тихий голос ввел меня в легкий ступор.

Петер передал мне объемную папку с рекламными буклетами, фотографиями и описанием гостиниц, несколько дисков. Короче, все для ознакомления с вероятными маршрутами.

Олав все это время неотлучно стоял возле меня, как верный паж. А мне казалось, что он пытается выдать свой очередной перл, или выстраивает новое соединение.

– Спасибо! – кивнула я Петеру. – Буду разбираться.

– В понедельник я планирую выехать в поездку. И это будет большой вояж, правда, только по Дании, но мы думаем расширить наши маршруты, объединяя несколько стран. Мы говорили об этом с господином Юровым.

– Да, да, Юрий Михайлович говорил нам об этом. Я засяду прямо сейчас, чтобы успеть к понедельнику, изучить весь материал.

– Где сядешь, там и слезешь! – радостно выпалил Олав.

* * *

Искать гостиницу было бесполезно, все равно в понедельник я уезжала в «большой вояж». Мои познания о королевстве Дания были скудные, хоть я и старалась прочесть все возможное об этой стране. И тем интересней была предстоящая поездка.

С благими намереньями я направилась в свою комнату с незашторенными окнами. Олав после рабочего дня куда – то исчез, кивнув мне на прощанье с загадочным видом. Хотя, мне почему – то казалось, что этот мой первый вечер в Дании, он должен был разделить со мной. Но, у парня своя жизнь, он исполнил свой гражданский долг – встретил меня в аэропорту, а дальше каждый волен делать, что хочет.

По пути я зашла в небольшой магазин, купить какой – нибудь еды – есть хотелось страшно. Кроме рюмки водки в моем желудке ничего не было, в самолете я не стала есть засохший бутерброд, а сделала только несколько глотков кислого кофе.

Я порылась в своей сумке, в надежде найти конфетку, но надежды мои не оправдались. Перед поездкой я навела там образцовый порядок и выбросила все засохшие конфеты и жвачки.

Магазин был, очевидно, рыбный. В больших и маленьких банках и баночках тут торговали селедкой, креветками и еще какой – то рыбой, порезанной на кусочки. За прозрачными дверцами больших холодильников были выложены бутерброды с рыбой, креветками и селедкой, украшенные листиками салата.

Честно сказать, селедку я не любила с детства, да и все рыбное особого восторга у меня не вызывало. Вздохнув, я взяла два сэндвича с креветками, прихватила банку с колой, две знакомые шоколадки и пошла на кассу.

«Мало того, что придется провести вечер за изучением материала, так еще и от еды никакой радости», – бурчала я про себя. Как – то грустно мне стало. Сама не знаю, чего я ожидала от своего первого дня в стране, о которой я мечтала долгие годы.

«Ладно, счастье надо делать своими руками», – подумала я и свернула к ближайшей остановке автобусов.

Я решила, что страну буду изучать из окна автомобиля, а все материалы, подобранные для меня Петром Петровым, лучше просматривать, когда мы будем в пути. Так будет лучше усваиваться теория с практикой.

А сегодняшний вечер я проведу так, как мечтала: буду бродить по вечернему Копенгагену, любоваться его домами, зайду в кафе и отпраздную свой приезд. С каждым шагом мне становилось все легче и светлее на душе. И что я сразу об этом не подумала?

Автобус подошел сразу, и повез меня в радостную неизвестность.

Я вышла на Ратушной площади, полюбовалась ее красотами, подошла к памятнику Андерсену и поздоровалась с ним, как со старым добрым знакомым. Потом выпила в кафе крепкий кофе с круглой булочкой, облитой глазурью, взбодрив себя таким нехитрым способом, я побрела дальше по главной пешеходной улице города к Королевской площади.

Неспешным шагом я бродила по улочкам Копенгагена, ощущая себя, в какой-то сказке. Все было милым и знакомым, словно я вернулась в родной город. Часы, проведенные за путеводителями, не прошли даром. Город приветливо дарил мне свои красоты.

Солнце, выглянувшее было после обеда, тяжело опустилось в морские воды. Город погружался в сумерки, радушно включая свои фонари и витрины. Правда, народу на улицах становилось все меньше. Редкие прохожие торопливо шагали в сторону своих домов, а возле небольших кафе, выстраивались мужчины с восточной внешностью. Они пристально рассматривали меня, жестами приглашая зайти в кафе. Но я только ускоряла свои шаги, а вскоре резко повернулась и почти бегом заспешила в сторону к Ратушной площади, мечтая побыстрее сесть на автобус.

Подойдя к квартире, я услышала громкие звуки музыки, разбившие мои мечты о мгновенном и крепком сне. Войдя внутрь, я остановилась, соображая, туда ли я попала. Коридор и комната были украшены воздушными шариками, несколько молодых людей стояли тут – же при входе с бутылками пива в руках и о чем – то громко спорили, стараясь перекричать звуки музыки.

– Хеллоу! – робко пискнула я, стараясь незаметно прошмыгнуть в свою комнату.

– О-о-о! – раздались радостные возгласы. – Маргрет, виват!

В коридор вышел румяный Олав и с пьяной улыбкой смотрел на меня.

– Я по Копенгагену бродила, любовалась, – заполнила я паузу.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! – изрек датчанин, и покивала головой.

– Ну, типа того! – согласилась я. – Красивый город.

– Это наши коллеги, пришли тебя приветствовать, а тебя нет. «С глаз долой – кобыле легче!» Так?

– Нет! Где ты берешь свои «приговорки»? Из какого источника черпаешь мудрость?

Парень немного растерялся, его смутил мой грозный тон.

– Ты устала, Маргрет? Сказать им, чтобы ушли? – тонко почувствовал он мое настроение.

Я посмотрела на шарики, разноцветные бумажные тарелки с кусочками селедки, заботливо разложенные на столе, на улыбающихся молодых людей и мне стало стыдно. Я, словно старая гримза, чуть не испортила людям настроение только за то, что они пришли посмотреть на русского человека, поприветствовать его на сказочной земле Дании.

– Прости, Олав, конечно нет! Я рада, что вы все собрались! Подожди минутку, я сейчас.

Я забежала в свою комнату, вытащила из чемодана бутылку водки и понесла свой дар новым друзьям!

Дар был встречен радостными возгласами.

* * *

Проснувшись утром, я не поняла, почему в помещении так много народу. На полу, свернувшись калачиками, спали два светловолосых паренька, укрывшись полотенцем. Выйдя в коридор, я обратила внимание, что двери двух других комнат распахнуты настежь и в них тоже спят, лежа на полу молодые люди.

Робко заглянув в ванную, и боясь увидеть там спящий народ, я с облегчением выдохнула – там было пусто.

Приняв холодный душ, я вновь ощутила себя молодой женщиной и с улыбкой вышла на кухню, в поисках кофе.

Там уже хозяйничал парень, похожий на Олава – высокий и худой. Длинные светлые волосы были для удобства закреплены тонким ободком.

– О, Маргрет! – приветствовали меня. – Я – Амлет! – радостно улыбнулся парень.

«Что-то знакомое было в этом имени. Среднее между омлетом и Гамлетом», – стала я лихорадочно соображать.

– Я тут живу, – пришел на помощь сосед. – Вчера хорошо посидели, – поднял он вверх большой палец. – Мы хотели подарить вам праздничный вечер, – скорчил рожицу Амлет. – Немного перестарались!

– Дареному коню в зубы не смотрят, – вышел на арену эрудит Олав. – Так правильно говорить, Маргрет?

– Правильно, – кивнула я, слегка вздрогнув.

– Олав если решил что-то освоить, то не успокоится, пока не отточит свое мастерство, – с улыбкой посмотрел на соседа Амлет.

– Без труда не вытащить и рыбку из пруда! – горделиво расправил хилые плечи парень.

Я уже открыла рот, чтобы объяснить несчастному, что мы не сыпем поговорками направо и налево. Что не разговаривают так русские люди, но после очередной его фразы, остановилась, передумала.

– Как мудры ваши приговорки! – мечтательно глядя в окно, проговорил Олав.

«Ну, и как на такое возражать?»

На запах кофе стали выползать мои новые друзья. Все радостно приветствовали меня, обнимали, и одобрительно поднимали вверх большие пальцы.

«Что бы это значило? Хотелось бы мне знать! И немного вспомнить, что было вчера?»

Как то все вокруг меня происходило в замедленном действии. Не спеша передвигались по квартире друзья, потом все они каким – то чудесным образом поместились за небольшим кухонным столом и стали сосредоточенно пить кофе, изредка освещая меня теплыми улыбками.

Всегда считалось, что только парижане способны пить целый вечер маленькую чашку эспрессо. Конечно, чашки у моих датчан были намного объемнее, но они бы парижан сделали. Кофе мы пили часа два, а вскоре кто – то принес бутерброды с селедкой и завтрак, он же обед, продолжился в той же неспешной манере.

И как они могут жить в таком вот темпе? И в городе у них порядок и чистота и в стране все тихо: ловят свою селедку с треской и радуются жизни, вспоминая боевые действия своих предков – викингов.

Наверное, весь темперамент, напор и сила остались у их прапрадедов. Отработали они свое на многие поколения. Их потомки – это неторопливые, спокойные и миролюбивые люди. Ну, очень неторопливые.

– Маргрет, сегодня мы поведем тебя в Тиволи! – торжественно провозгласил Олав. – Это любимое место всех датчан и наших туристов. Тебе понравится, я знаю, – утвердительно кивнул парень.

Сборы заняли еще пару часов. У нас в России за это время можно было объехать полгорода, переделать кучу дел, а они только выходят из дома. И почему у нас тогда все так беспрочно грустно и в стране и в душах?

«Тиволи парк» – это такое дивное место, где хорошо и детям и взрослым. Каждый находит себе развлечения по вкусу, как в волшебной стране в фильме «Золушка». Интересные аттракционы, многочисленные рестораны, кафе, фонтаны, цветные огни, там существует даже собственная гвардия и в конце всего этого великолепия гигантский фейерверк, завершающий шумный день.

Когда то, в другой жизни, я мечтала оказаться здесь с одним человеком, но это уже неважно. Для него не важно...

От яркости, веселого шума, смеха и криков детей, моя голова кружилась и плыла, а ноги гудели и передвигались с большим трудом. Я была вынуждена снова надеть каблуки, иначе я бы потерялась на фоне своих высокорослых друзей. И потом, я же была представителем России.

А, может, в моем самочувствии виновато дивное вино, которое мы выпили в небольшом ресторане, закусив его селедкой в горчичном соусе. Кстати, весьма приятная закуска. Или я за два дня начинаю привыкать к этой рыбке?

– Копенгагена без Тиволи нет! – тронул меня за плечо невысокий парнишка, улыбаясь.

Я, изобразив улыбку, покивала в ответ.

– Олав, мне завтра надо выезжать в поездку. А я не спросила, во сколько это будет, и теперь не знаю, у кого мне уточнить.

– Мы выезжаем в девять утра.

– Мы? Ты едешь с нами? – обрадовалась я.

– Мы едем вдвоем.

– На автобусе?

– Нет, на машине фирмы!

Эта новость меня обрадовала, мне приятнее было находиться в пути с милым Олавом, чем с Петром Петровым.

* * *

Ровно в девять утра, несмотря на наше позднее возвращение и наведение порядка в квартире (и как мы могли устроить такой разгром?) мы выехали из дома.

С утра Олав взял в офисе нужные документы и небольшой белый автомобиль, марки «Фольксваген Жук», больше напоминающий игрушку, чем настоящую машину.

Он распахнул передо мной дверцу и уверенно сел за руль, при этом широко улыбаясь, как мальчишка с новой игрушкой.

Вот тебе и борец за экологию!

– Вы водите машину?

– Любишь кататься – люби и саночки возить! – радостно закивал головой парень.

Немного не про то, ну да ладно.

– А я думала, вы принципиально не покупаете машину, чтобы воздух в стране был чище.

– Об этом заботится наша королева. Кстати, ее тоже зовут Маргрет, только, она – Маргрет вторая, – вздохнул Олав.

– Это как? В смысле заботится как?

– Она ввела такой налог на транспорт, что машину могут себе позволить далеко не все граждане.

Теперь многое стало понятней. И заполненные автобусы, и многочисленные велосипедисты от мала, до велика и достаточно пустые дороги. Интересно, у них существуют дорожные пробки, при такой мудрой политике?

Олав выехал из города и «полетел» по пустынной дороге со скоростью пятьдесят километров в час.

– Тише едешь – дальше будешь, – тихо произнесла я. «Наверное, это заразно».

– Я сейчас попривыкаю немного, – пояснил гонщик, устраиваясь на сиденье.

– А мы можем заехать на набережную к Русалочке? – робко спросила я, чем вызвала глубокий выдох и широкую улыбку.

– Я думал, что я в тебе ошибся. Мне с первой встречи казалось, что ты приехала для того, чтобы увидеть Русалочку, а ты все не спрашивала и не спрашивала, и я уже начал сомневаться, что ты такая, как все другие.

Олав еще что-то лепетал, переходя с датского на русский, но, если честно, я не очень вслушивалась, я готовилась к встрече.

– Лучше сто раз увидеть, чем один раз услышать, – донеслась до меня русская народная мудрость.

Вот она, сидит себе на камне, между сушей и морем, между родным домом и земной любовью, всматривается куда – то вдаль и не понимает, что ей делать дальше, как жить, когда не отвечают на твою любовь и возвращаться некуда.

Наверное, не просто так я любила именно эту сказку. И все страдания, безутешные слезы и безысходность девочки – Русалочки наложились и на мою судьбу. Или моя судьба так готовила меня к взрослой жизни: «Смотри, Ритка, вот какая любовь бывает, когда полюбишь принца, когда покидаешь родной дом!»

Я не стала сдерживать слез, все равно бы нос покраснел. Просто обняла себя за плечи и долго стояла на набережной, всматриваясь в светлое лицо подруги по несчастьям.

– Здравствуй, Русалочка! Вот я и приехала к тебе. Теперь нас двое, – шептала я тихо.

– Как ты похожа на нее, Маргрет! – тихо промолвил мой знакомый викинг.

– Это потому, что я очень этого хотела! Сидела все детство и всматривалась в ее изображение. Мне когда – то плакат с ней подарила мама подруга. Она работала в турбюро. И плакат этот так все время и провисел на стене в моей комнате.

– Мы потом еще приедем к ней в гости, а сейчас пора ехать!

Я махнула рукой своей старинной подруге и поспешила к машине.

Погода как то резко испортилась – холодный ветер притащил с собой тяжелые серые тучи и они уютно устроились на небосводе, плотно укрыв его своими телесами. Меня трудно испугать такими природными изменениями, я родилась и выросла в городе – герое Санкт – Петербурге. А уж там погода за один час может поменять свой характер сто пятьдесят раз.

В машине было тепло и уютно. Я достала из сумки свитер и набросила себе на плечи.

Насколько радостней, кажется жизнь, когда светит солнце и новые места выглядят привлекательней. Как незнакомец с улыбкой всегда вызывает у вас доверие и располагает к общению.

Я порылась в своей новой сумке, которую купила к этой поездке, – она полностью соответствовала своему назначению и идеально подходила к моему гардеробу – и извлекла на свет папку с рекламными буклетами, картами, перечнем отелей и маршрутом, данную мне Петром Петровым.

– Ну, Олав, трогайте! – скомандовала я, разглядывая план нашей поездки. – Однако! Ваш шеф планировал поездку, рассчитанную на восемь дней и это только по Дании!

Я уже было собралась засмеяться, так как с запада на восток протяженность страны составляет четыреста пятьдесят километров, но Олав с абсолютно серьезным видом изрек:

– Дания – великая страна! Одно из крупнейших государств мира! И вы правы, Маргарет, восьми дней будет слишком мало, чтобы познакомиться ближе.

Ну почему у жителей небольших стран такое желание возвеличивания своего государства и себя? А мы, реально живущие в самом большом государстве мира, все время чего – то стесняемся, за что-то извиняемся. Да мы должны ходить по планете с гордо поднятой головой и с песней: «Широка страна моя родная!»

– Правда, к сожалению, мы с вами не сможем посетить Гренландию, но на некоторые из Фарерских островов мы заедем, – прервал мои рассуждения Олав.

«Ой, все время забываю, что Гренландия – самый большой остров в мире тоже принадлежит Дании. Ну, да! Тогда можно еще рассуждать о величии Дании».

В это время сумка забила на моих коленях, запиликала мелодию аргентинского танго. Я, еще не успевшая изучить все карманы и потайные отделения новой сумки, стала лихорадочно искать телефон.

– Искать иголку в стоге сена! – улыбнулся Олав.

– Просто сумка новая, еще не обжитая, – пояснила я, выуживая телефон.

– Маргрет, вы где? – спросили меня на датском недовольным голосом.

– Я еду в машине, – ответила я, не имея ни малейшего представления, с кем я общаюсь.

– Я жду вас уже полчаса, – продолжали мне пенять на том конце.

– Простите, но я, ни с кем не договаривалась о встрече. Вы перепутали номер телефона. Олав странно на меня покосился, и резко вывернув руль, повел машину в сторону тоннеля.

– Интересно, кто – то произнес мое имя, но явно перепутал номер телефона. Может, это звонили вашей королеве?

Машина уже двигалась достаточно быстро, видимо, мой водитель вполне по привычке к ней и скорость держал приличную. Лицо его при этом уже не было таким благодушным и открытым. Взгляд стал жестким и смотрел он больше перед собой, на дорогу, а не на меня. Оно и понятно, трудно беззаботно и мило беседовать и вести машину на большой скорости в тоннеле.

Тоннель все не кончался, я примолкла, вжавшись в кресло. Но вот снова показалось серое низкое небо, и я не смогла сдержать выдох облегчения.

Машину вновь круто развернули, и хоть местные названия я читаю с большим трудом, но мне удалось разобраться, что нужный нам поселок оказался в противоположной стороне от нашего запланированного маршрута.

– Олав, а ты уверен, что нам надо сюда? – робко спросила я, сверяясь с картой. – Кажется, по плану Петера, мы должны заехать в ваш Музей под открытым небом.

– Это мы оставим для туристов, – с улыбкой глядя на меня, проговорил Олав. – Тебе, Маргарет, я хочу показать другую Данию.

– Но я, же должна буду написать отчет. Выявить все плюсы и минусы. Меня для этого и послали.

– Не переживай, ты согласишься все, что нужно. А сейчас давай заедем в одно дивное местечко. Заодно и заправимся.

Дивным местечком можно смело назвать любой уголок Дании: домики, выкрашенные свежей краской; поля, словно расчерченные карандашом по линейке; аккуратные водоемы, леса и величественные замки, – все любовно вычищено, выкрашено, посажено.

Местечко, куда мы свернули с главной трассы, было действительно кукольно – трогательным, с местным колоритом, и даже со старой мельницей, крутящей своими лопастями.

– Тут пекут хлеб из муки с этой мельницы. Перемелется – мука будет, да, Маргрет?

– Ну, да!

На заправке я вышла из машины, чтобы подышать воздухом. Повсюду был слышен аромат свежего хлеба, и мне захотелось немедленно его отведать с чашкой крепкого кофе.

– Олав, я предлагаю сделать привал и выпить кофе!

– Согласен. Сумку можешь оставить в машине. Почему ты ее всюду за собой таскаешь?

– У меня на это целых четыре причины, – произнесла я. – Она новая, она мне нравится, она подходит к моей куртке, и... это подарок хорошего человека.

На самом деле эту сумку я подарила себе сама. Просто влюбилась в нее с первого взгляда и несколько дней проходила в состоянии влюбленности и озабоченности: где взять денег? Была она очень дорогая, и я с грустью вспомнила, как просидела весь месяц на макаронах, чтобы отдать одолженные у секретарши Леночки деньги на эту покупку. Мужчинам этого не понять, а вот Лена поняла меня сразу и дала необходимую сумму. Она сама мужественно откладывала с секретарской зарплаты на шикарный купальник.

Грациозной походкой, насколько позволяли кроссовки, я удалялась в сторону заправочной станции, оставляя за спиной бурчавшего Олава:

– Дареному коню в зубы не смотрят!

– Олав, это не про такой подарок! – возмутилась я. – Мне эта сумка нравится! И отстань уже со своими приговорками. Интересно, будет такой день, когда я этого не услышу?

– Будет день – свинья не съест! – донеслось до меня.

Я уже заметила, что при волнении Олав путает свои приговорки, но получается у него это даже лучше, чем в оригинале.

Возле небольшого буфета на станции, ко мне сразу обратились на английском языке, спросив, чтобы я хотела.

– Предложи ей мартини или текилу, – перешла на датский, упитанная официантка, обращаясь к своему напарнику – худенькому парнишке с длинной белой челкой. – Все русские пьют на завтрак спиртное.

При этом говорила она это с чрезвычайно любезной улыбкой, словно желая мне всего доброго.

– Или вам встречались неправильные русские, или вы очень не любите Россию, – ответила я на ее родном языке, чем вызвала ужас на ее лице. А напарник вообще, икнул и уставился на меня немигающим взглядом.

Я вышла с улыбкой победительницы, и хоть мне хотелось кофе, но я не стала его заказывать, пусть прочувствуют свое поражение. Странно, но Олава нигде не было видно. Заправленная машина переставлена на стоянку, готовая к пути, а водитель ее скрылся в неизвестном направлении. Только вот куда? Ни лесов, ни строений в округе не было, только одинокая станция, а вдалеке, метров через пятьдесят, возвышалась мельница и небольшие домики с красными крышами.

Наконец, появился и мой бледный викинг, вид у него был явно расстроенный. Наверное, Петров дозвонился до него и сделал ему выговор за изменение маршрута. Мне все это тоже казалось странным: во – первых, маршрут разрабатывался специально для туристических групп и я была командирована чтобы его протестировать; во – вторых, это совсем не походило на законопослушных подданных датского королевства. Или снова Что-то прогнило?..

– Все в порядке, Олав? – спросила я с улыбкой.

– Да, где тонко, там и слезешь! – махнул рукой подданный королевы.

«Волнение на лицо», – отметила я и решила перевести разговор на другую тему, чтобы немного отвлечь его.

– Объясни мне, как работники этой заправки определили, что я русская?

– Они обидели тебя?

– Они предложили мне выпить.

– У всех русских взгляд такой ищущий, словно вы Что-то потеряли и не можете найти, вы все время торопитесь и не можете наслаждаться данным моментом, вы живете так, словно то, что происходит сейчас – это временное, и вы стремитесь к своему далекому постоянному. А его нет, Маргрет, или может не быть вовсе!

Наверное, он прав. И я и все, кто меня окружают, живут какими – то планами, будущим. Вот куплю себе хорошую квартиру и тогда заживу; вот защищу диплом, буду работать и тогда смогу жить так, как хочу; вот выйду замуж за другого и вздохну спокойно и счастливо.... И таких «вот» у каждого найдется штук пять. А то и больше. Может, это наследие советского прошлого? Тогда постоянно жили планами, перспективами, пятилетками. Нам и передалось это стремление в светлое будущее на генетическом уровне.

– Неужели все это отражается на наших лицах? Откуда ты так хорошо знаешь русских? Ты жил в России?

– Я жил с девушкой из России.

– Тогда понятна твоя любовь к нашим поговоркам и русскому языку.

– Да, я хотел стать для нее лучшим, выучить ваш язык, чтобы понимать ее. И мне сказали, что вашу душу можно лучше понять через приговорки и пословицы.

Ну, хоть Что-то стало проясняться: откуда такая тяга к нашему эпосу.

– А она оказалась... – Олав не договорил, только сильнее нажал на газ и хмуро уставился на дорогу.

– Ну, если тебя утешит, меня тоже бросил парень. Мы были три года вместе, нас называли идеальной парой, а он нашел себе другую. Высокую, как каланча. Она даже выше его, представляешь?

– И что? Как ты пережила такое предательство? – в его голосе было столько сочувствия, что у меня защипало в носу от жалости к себе.

– Ну, как? Тяжело. Плакала неделю, болела, словно из меня сердце вырезали без наркоза. Потом разбила стекло и капот его машины. Хотела еще окна побить, но подруга меня вовремя утащила, а потом сказала в полиции, что мы с ней в театре тем вечером были, даже билеты у кого – то взяла, как алиби.

– Это же нарушение закона? – на меня смотрели широко открытыми глазами, в которых читалось осуждение и никакого сочувствия.

– Я была в состоянии аффекта. Меня предали. – Произнесла я с горечью.

Я еще и все его чашки перебила дома, из которых он любил пить кофе. (Обе две). Но Олаву я об этом говорить не стала. Хватит с него и автомобиля, вон как его взволновал сей факт.

Странное дело: мне простили капот и автомобильное стекло, но не простили двух любимых чашек. Мой мужчина чуть не заплакал, когда я протянула ему черепки в пакетике.

– Моему сердцу еще хуже, чем твоим чашкам, – сказала я тихо. (Над этой фразой я долго рыдала, придумав ее).

До сих пор стоит в глазах его понурая фигура, когда он шел по дорожке от моего дома. С той каланчей он вскоре расстался и даже просил друзей выступить у нас парламентарями по примирению. Но я ответила гордым отказом. Не люблю предателей. Может быть, я бы его простила в душе, если бы он действительно полюбил ту, другую. Но из-за мимолетного увлечения этот человек предал столько счастливых дней и ночей нашей жизни, столько замечательных светлых планов нашего будущего. И нет ему прощения.

– Маргрет, вы, почему молчите?

Прервали мои воспоминания.

– Не надо вспоминать о плохом! Надо думать о хорошем.

«Философ! Сам начал эту тему, словно я виновата в его трагичной любви, а теперь советы раздает! Это я ему еще не все рассказала».

– Тогда выполняйте свое обещание!

– Простите, вы о чем?

– Ну, вы же обещали напоить меня вкуснейшим кофе в Дании и накормить булочками из свежесмолотой муки.

– А, да – да, только из свежей муки ничего печь нельзя. Мука должна созреть, – авторитетно заявил Олав и, развернув машину, пристроил ее на стоянке перед мельницей.

И хоть машин на стоянке было немного, но внутри небольшого помещения, больше напоминающего старинную кухню какого – нибудь замка, оживленно общалось человек десять. Люди сидели за длинным столом из темного дерева, перед каждым стояла тяжелая глиняная чашка.

Олав предложил мне стул и пошел к пареньку, который наполнял кружки ароматным кофе из медного кофейника. Вообще на этой кухне было много медной посуды: кофейники, кастрюли, тазы, половники. И вся эта красота была развешана на стенах, тускло мерцающая.

К головокружительному запаху кофе примешивался аромат свежего хлеба, но никаких булочек видно не было. От таких запахов у меня даже в животе забурчало. Пора было подкрепиться.

Но вот ропот усилился, переходя в одобрительные восклицания. Светловолосая худощавая женщина в огромном бордовом фартуке вносила поднос со свежей выпечкой. За ней стат-

ный высокий господин, прячущий улыбку за пышными усами, вносил горячий хлеб, выложенный на длинной плоской деревянной штучке, похожей на гигантскую саблю.

Отведав булочку с дивным кофе – в меру крепким, сладким и душистым, я, расслабленная и довольная жизнью, внесла дельное, на мой взгляд, предложение:

– Олав, надо непременно внести это место в план экскурсионной программы. Наши люди становятся добрее и приветливей, после таких перекусов.

– В вашей жизни мало приятных вещей, вот вы и добреете от булочек, – зло проговорил Олав.

– Ну, почему ты так говоришь? Скажешь, французы так любят свои круассаны с кофе, потому что у них мало приятных мгновений? Просто, это одна из составляющих нашей жизни. Зайти в кафе с подругой или молодым человеком, немного согреться, выпить хороший кофе, поговорить о приятном. Ты заметил, что с чашкой кофе можно говорить только о приятных вещах? Или планировать Что-то хорошее.

– Да кто это определил?

– Это никто не определял, это само по себе так происходит, а значит, это истинно правильно, – произнесла я, улыбаясь протянутой мне выпечке в завитушках и щедро посыпанной сахаром и корицей.

Откусив приличный кусок, я посмотрела на жующую публику и улыбнулась, – у всех на лицах сияла улыбка. Люди сидели, жевали и улыбались.

– Тебе нужны еще аргументы? – Обратилась я к правнуку викингов.

* * *

– Кто ждет тебя дома, Маргрет? Кто будет о тебе тосковать? – спросил Олав, когда мы тронулись в дальнейший путь после кофейной паузы.

Вопрос немного странный, но из уст человека, изучающего русский, вполне простительный.

– У меня есть мама и младший брат, только они живут отдельно. Есть две подруги, мы вместе со школы. Есть мои коллеги, с которыми работаем уже пять лет и стали дружным коллективом. Вот у вас дружный коллектив в фирме?

– Не знаю, – скривился мой коллега. – Гусь свинье не товарищ.

Интересно, кто в данном случае свинья и кто гусь?

– Вы же все пришли меня поприветствовать, значит, для вас тоже важно, чтобы новый человек ощутил вашу заботу и внимание.

Олав посмотрел на меня странно долгим взглядом, от которого мне стало не по себе. Вообще, чем дальше мы продвигались, тем сумрачней становился Олав. С его лица почти исчезла улыбка, он мрачнел и почти перестал со мной разговаривать. Хотя должен был, как гостеприимный хозяин и гид восхвалять мне свою страну и обращать внимание на достопримечательности, коих было предостаточно. Но все они оставались за окном нашего автомобиля, грустно глядя нам в след. Мы оставили позади себя милую деревеньку с трогательными домиками, крытыми темной соломой, – с удовольствием побродила бы по ее улочкам; величественный кафедральный собор, который я мечтала осмотреть, читая о нем во всех путеводителях.

– Олав, я настаиваю, чтобы мы с вами остановились и осмотрели эту церковь. С ней связано так много интересного, а вы несетесь мимо, словно мы опаздываем на поезд. И к тому же это первый пункт нашего привала. Ведь в Роскилле у нас первая остановка и расселение в отеле?

Но меня словно не слышали. Олав гнал, выжимая из маленького автомобиля приличную скорость, и время от времени поглядывая в зеркало заднего вида, словно ожидая погони.

Стараясь не обращать внимания на странное поведение моего сопровождающего, я попыталась разобраться с документами, которые находились в папке Петрова.

Олав посмотрел на меня диким взглядом и, кивнув на проспекты, заговорщеским тоном проговорил:

– Я знаю твоё заветное желание, Маргрет.

Смело! Даже я сама не вполне уверена, что знаю, о чем мечтаю.

– И..? – постаралась я ответить вопросом на такое заявление.

– Мы сейчас туда и направимся, – подмигнули мне голубым глазом. Свято место – зуб нейдет.

– Олав, объясни мне, пожалуйста, что происходит? – сказала я, как можно спокойнее. – Ты изменил маршрут и, кажется, ни с кем это не согласовал. На мои просьбы остановиться ты тоже не реагируешь. Ты куда – то торопишься? Может, у тебя какие – то планы и я тебе мешаю? Я могу одна путешествовать. Это даже будет интересно. Одно дело ехать в автобусе с опытным гидом и другое – самостоятельно передвигаться по стране. В Дании – это не будет представлять опасность. Так что давай, остановимся у первого отеля, и я выйду.

Молчание было мне ответом. Но во взгляде, брошенном на меня, я почувствовала некоторое сомнение. Решив брать быка за рога (вот, уж, точно заразно) я продолжила свой монолог:

– Если хочешь, мы даже можем с тобой договориться: ты делаешь свои дела, какие там себе запланировал, я передвигаюсь по стране в одиночестве, а когда ты все сделаешь, мы встретимся и вернемся в Копенгаген вместе. А вашему Петрову говорить ничего не будем, – добавила я с надеждой в голосе.

– Мечтать не вредно! – было брошено мне.

– Да, не вредно, и что? – пошла я в атаку. – Вот, что ты хотел этим сказать? В конце концов, если ты хочешь познать глубокую русскую душу, то учи приговорки, то есть, поговорки правильно. А не составляй одну из двух. И вставляй их по месту, а не сыпь направо и налево.

Кажется, мой гнев пробил стену молчания. Олав остановил машину рядом с заправочной станцией и с удивлением уставился на меня.

– Что?! – Спросила я с раздражением, так как он продолжал рассматривать меня, не произнося ни слова.

– Молчание – золото! – наконец, выдали мне вердикт.

– Ну, а это к чему? Ты упорно молчишь, потому что боишься сказать лишнее, чтобы не обидеть меня, не поставить в неловкое положение себя?

– Нет, – пожал он плечами, – просто не хочу тебе говорить свой план.

– Мы едем вместе с конкретной целью – открыть страну для российских туристов, построить совместный бизнес. Мне казалось, что наши стороны договорились обо всем, и нам с тобой надо только проехать по выбранным населенным пунктам и, может, что-то добавить или изменить. Разве не так? Нам доверили интересное задание. Мне, во всяком случае, оно нравится.

– Петерсену нельзя доверять!

– Ты знаешь что-то, что не можешь сказать? – посетила меня догадка. – Но каким образом это помешает нам следовать маршруту?

– Я накажу его за все! – бубнил Олав, вцепившись в руль.

А я стала тихо шарить рукой в своей сумке, пытаюсь добыть телефон и незаметно связаться с Петром Петровым. Надо же сообщить начальнику, что его подчиненный объявил забастовку и не собирается выполнять свои обязанности, да еще и меня везет непонятно куда.

Не скрою, было немного страшно. Я находилась в ограниченном пространстве с человеком, о котором не знала ничего и который пугал меня все больше своим странным поведением.

В сумке попадалось все время что-то не то. Хотелось просто вытряхнуть на колени все ее содержимое и найти, наконец, свой злополучный телефон. Не то время он выбрал, чтобы играть со мной в прятки.

– Ты Что-то ищешь?

Вопрос был задан таким зловещим тоном, что я подпрыгнула.

– Да! Телефон вот затерялся! Я даже подумала, что оставила его в Копенгагене, но ведь кто – то сегодня звонил мне на него, – проблеяла я.

– Ищи ветра – пока рак на горе свистит. Так?

– Нет, совсем не так! – повысила я голос, чем заставила Олава посмотреть на меня с удивлением.

– Надо говорить: «Ищи ветра в поле!» о предмете, который давно утерян. А «Пока рак на горе свистнет», говорят о планах, мечте или надежде, которая не сбудется.

– Ну, я так и сказал! Ты не можешь найти свой телефон, потому что он давно утерян. Я его выбросил! – невозмутимо произнес Олав, словно речь шла о том, что он купил хлеб.

– Да как это – выбросил? Как ты посмел? Это был мой телефон. Свой бы выбрасывал!

– Твой телефон мешал моему плану, а мой мне поможет! Зачем же я должен был выбрасывать свой телефон!

«Господи! Да он больной! Глупый или психически ненормальный! И как ему доверили ответственную работу? Да еще за руль автомобиля посадили!» – пришла запоздалая догадка.

– Послушай, Олав, а где ты получил права? – начала я с конца.

– Перед тем, как устроиться на работу, надо было иметь права, я и получил.

– И вот тебе так сразу и дали?

– Ну, мне пришлось сдавать дважды! – немного смутился парень. – Но все равно это хороший результат. Получить права в нашей стране сложно. Лючия рассказывала, что у вас это сделать можно, заплатив инструктору. Это не правильно. От этого зависят многие жизни, – ударился он в рассуждения.

– Лючия – это кто? – я старалась занять своего компаньона разговорами, а сама лихорадочно придумывала план спасения.

– Лючия – моя русская любимая, – тихо ответил Олав после долгого молчания.

– Странное имя для русской девушки, – удивилась я.

– Лючия, Люсия, Люся. Она сказала, чтобы я так ее называл. Ей не нравилось имя Люся.

– Вполне приличное имя. Люда, Мила, Людмила. «Имя милое – Людмила...» – так Пушкин писал в своей поэме.

– Она не любила Пушкина! – сквозь зубы произнес Олав.

– Не может быть! – в ужасе воскликнула я.

– Может! Я тоже очень был удивлен...

– Тогда не жалею о ней.

Парень, не глядя в мою сторону жал на газ, вписываясь в повороты. Дорога шла вдоль моря и была живописна, словно с иллюстраций по путеводителям. Неяркие лучи заходящего солнца делали пейзаж и вовсе фантастическим: мягкий блеск моря, зеленые холмы с пасущимися коровами, почти игрушечные яркие домики на фоне розовеющего неба с лиловыми облаками.

Меня всегда переполняют чувства от такой красоты. И чувства восторга смешиваются с горечью. Как человек, живущий на такой прекрасной планете, может затевать Что-то зловещее, коварное, думать о плохом? Хочется крикнуть на весь мир: Люди, живите в радости!

Но рядом сидел человек, явно замысливший плохое, и, Что-то мне подсказывало, что я была центром его зловещего плана. Продолжая восхищаться видами за окном автомобиля, я соображала, как могу выпутаться из такой ситуации.

Вспомнилась одна передача, на которую я наткнулась случайно, переключая каналы. В ней говорилось о проблемах между соседями. В студии сидело три психолога, и парочка юристов. Так вот, все дипломированные специалисты пришли к одному выводу, что справиться с неадекватным соседом можно только добрыми уговорами. Это, по их ученому мнению, един-

ственно, что способно помочь в нашем правовом обществе. Наверное, не зря приходит к нам информация. И даже, если на первый взгляд она кажется пустой и ненужной, на самом деле все в нашей жизни не случайно. Вот и сейчас, я постаралась воззвать к разуму своего спутника.

– Олав, я все думаю о твоих словах, – начала я тихим, приятным (как мне казалось) голосом.

И... мхатовская пауза...

Олав, тоже помолчал какое – то время, не выдержал и повернул ко мне удивленное лицо.

– О каких словах ты думаешь, Маргрет?

– Ну, ты сказал, что знаешь, куда я хочу попасть. И вот я сижу и думаю. Самое большое мое желание было попасть в вашу прекрасную страну и увидеть Русалочку. И от этого я испытываю такое счастье! Оно буквально переполняет меня. Какие вы должны быть все счастливые – жители Дании, что живете в своей сказке. И, знаешь, это видно по тому, как бережно вы относитесь к своей природе, какие чистые и ухоженные ваши улицы в больших и малых городах. Вот мы с тобой сегодня проехали много населенных пунктов, а ощущение такое, словно все они ждали и готовились к нашему приезду. Все так свежо и аккуратно.

Олав молчал, но выражение его лица стало менее напряженным.

– Вот ты, Олав, ты ощущаешь себя счастливым жителем своей страны?

– Да, ощущаю, – немного подумав, кивнул парень.

«Так, какого дьявола ты творишь?» – чуть не закричала я, но сдержалась.

– И я себя тут чувствую так, словно живу в предвкушении чего – то радостного. Смотри, указатель на Эльсинор! – закричала я с восторгом вполне искренне.

– Хельсингер, – тихо поправил меня Олав, как произносят все датчане.

– Вот куда еще я мечтала попасть! И ты вез меня в этот прекрасный замок?! Спасибо, спасибо тебе, мой дорогой Олав.

Я даже слегка потрепала его по руке, чем привела его в некоторое смятение. Как можно ответить злом на такие радостные чувства?

Пусть только остановится возле Кронборга, а там я постараюсь привлечь к себе внимание и попросить о помощи.

– Как же я мечтала посетить этот таинственный замок, где страдал несчастный Гамлет! – воскликнула я, заламывая руки.

Переиграла немного и моя фальш тут же была распознана.

– Маргрет, уж, от тебя я не ожидал подобного невежества. Если ты так любишь Данию, как говоришь, то должна знать, что замок Кронборг к Гамлету не имеет никакого отношения. Шекспир допустил ошибку, и она вошла в века. Скорее всего, он никогда не был в Хельсингере, отсюда столько неточностей.

– Это не неточности, – бросилась я на защиту любимого Шекспира, – это авторская фантазия. Он же не учебник истории писал, а пьесу. А вот интересно, думал ли он, что его произведения проживут столько веков?

– Скорее всего, нет, иначе, бережнее отнесся бы к фактам. Ведь Гамлет, Амлет и на самом деле жил. Только на севере Ютландии и его история очень похожа на ту, которую написал Шекспир. Англичанин просто использовал произведение датского писателя. – Со злостью произнес Олав.

– Да, но только произведения, как ты сказал, англичанина живут и трогают сердца уже почти полвека, а о поистине библейском сюжете, об убийстве братом Фенгоном брата Горвендила, отца Амлета, знают, увы, не многие.

Взгляд одобрения с легким восхищением был мне наградой.

– Конечно, я знаю, что в замке Кронборг никогда не страдал несчастный принц Гамлет, но вместе со многими туристами продолжаю испытывать трепет перед такими блистательными декорациями пьесы англичанина Шекспира. И очень хочу коснуться этих камней своей

рукой. А еще хочу сфотографироваться возле памятника Гамлету. Ну, если, конечно, тебя это не слишком шокирует.

Солнце уже спряталось за горизонт, и в наступивших сумерках было что-то зловещее. По крайней мере, для меня. К тому же возле замка, к которому мы подъехали, не было ни одного человека. Помощи тут явно просить было не у кого. И на фоне темнеющего неба силуэт знаменитого замка выглядел мрачно. Словно и правда сейчас разбушует море, задует ветер и появится тень отца Гамлета...

Меня немного зазнобило, наверное, напряжение последних часов дало о себе знать.

– Олав, нужно устроиться на ночлег. В Эльсиноре наверняка есть гостиница. К сожалению, мы приехали слишком поздно, чтобы любоваться этим замечательным замком. Давай, отложим наше знакомство на утро? – произнесла я самым беспечным тоном, стараясь не показывать своего волнения.

* * *

Мой спутник, казалось, был немного растерян. Он явно не знал, что делать со мной дальше. До его пункта назначения, как мне показалось, мы не доехали, а говорить об этом в открытую, он не мог. Но и затолкать меня в машину и увозить от замка, о встрече с которым я столько мечтала, ему тоже не позволяло чувство гостеприимного хозяина. Если оно у него имелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.